

ПИФАГОР (из цикла «Греческие мыслители»)*

Пифагор был первым, кто назвал себя скромно не мудрецом, но любителем мудрости. Довольно скромно, потому что, даже в отличие от его предшественников Семи мудрецов и Милетских физиологов, Пифагор был человеком только на половину. На вторую он состоял из субстанции божества. Иначе говоря, появившись на свет в 570 г. до н. э. в колониальном Самосе в семье Мнесарха, челнока средней руки, и местной красавицы Пифаиды, фигура которой имела очертания двух составных пифосов, а темно-русые волосы — морского прибоя в тревожную погоду, Пифагор был в действительности сыном бога, который, как это часто случалось в те сексуально раскованные времена, наставил рога Мнесарху, часто покидавшему дом «по делам фирмы», но . . . задолго до рождения самого Мнесарха. Как это возможно? Попробую объяснить.

Правда, кто именно из богов был отцом Пифагора, не очень ясно. Подавляющее большинство биографов, следующих устаревшему ныне компилятивному — ДНК-методу (а это Аристоксен, Порфирей, Ямвлих, Б. Ван-дер-Варден, В. Буркерт, Л. Я. Жмудь), полагают таковым классического Аполлона-олимпийца, который, несмотря на свою выраженную бисексуальность, был весьма плодовит гениальным потомством. Я же, следуя структурально-спекулятивному методу редукционного анализа имманентного содержания философской мифологии, дополненному идеями деструктуризации исторической мифологии, полагаю (вслед за нашим известным соотечественником проф. Н. И. Новосадским), что подлинным отцом Пифагора был младший брат Аполлона, Гермес — покровитель челночного бизнеса, облетавший в крылатых сандалиях ахейских домохозяек в отсутствие их мужей, ушедших в далекий и опасный торгово-грабительский поход. Правда, гипотеза эта очень смела и требует более серьезного и обширного обоснования, поскольку согласно общепринятому мнению, восходящему к словам самого Пифагора, впервые рожденный незадолго до Троянской кампании под именем Эвфорба, которому на поле боя собственноручно отрезал голову оскорбленный царь Менелай, к VI в. до н. э. Пифагор уже имел солидный опыт пяти человеческих инкарнаций, хорошо помнил все свои жизни (в одной из них он был, например,

* Рассказ впервые опубликован в журнале: Санкт-Петербургский университет. 2001. № 1–2.

© А. В. Цыб, 2003

гетерой) и, следовательно, отчетливо осознавал себя полубогом или, выражаясь более строгим мифографическим языком, героем второго поколения. Здесь мы неизбежно касаемся проблемы героических поколений, отчасти поднятой Дж. Бартом в его романе «Химера». При этом учитывая предложенную им схему распределения героической крови в поколениях потомков, внесем уточнения в структуризацию самого героя, подразделив его на первый и второй по порядку происхождения. Согласно этому все привычные для нас героические личности — Персей, Беллерофонт, Тезей, Геракл и т. п., оказавшие человечеству неопределимые благодеяния в виде «зачистки» космоса после глобальных гигантомахий, титаномахий и тифономохий, — являются прямыми отпрысками богов-олимпийцев первого поколения, главным образом — Зевса. Все это были парни грубоватого склада, особенной тонкостью ума и грамотой не блиставшие, поскольку задачи, возложенные на них, могли быть решены исключительно силой мышц, но никак не ума. Ведь свернуть шею саблезубому льву, уникальный экземпляр которого, каким-то образом уцелевший в окрестностях Немей, было бы гораздо полезнее сохранить в зоопарке для изучения палеозоологами, или выступить в финале чемпионата крито-микенской лиги по кикбоксингу против Минотавра, отчаянно поучаствовали в перверсивно-садистском телешоу с перекаченной анаболиками фитнес-звездой по имени Медуза (от одного взгляда которой муники превращались в камень), заломать голыми руками доисторического марафонского быка или, играя в пинбол с чудовищем, засадить в глотку драконокозьей Химере свинцовую блямбу, чтобы та спалила ей внутренности, растаяв от ее собственного огненного дыхания, — все это была работа не для впечатлительных хлюпиков вроде Орфея или хитроумного алиментщика Одиссея. По складу характера и интеллекта в эту команду хорошо вписываются парни вроде Ясона и Ахилла и множество так называемых локальных героев, чья генетика восходит к богам и богиням еще доолимпийского статуса, но сохранившим свое положение и влияние благодаря своевременному проявлению лояльности к старшим. Их роль сводилась не столько к участию в селективно-ассенизационной деятельности по «зачистке» божественных родов и стихий от всевозможных неудачных терриоморфных и зооморфных мутаций, сколько в сомнительных опытах по селекции человеческих родов, кропотливо осуществляемых Зевсом, пребывающим под нескритическим влиянием архаического мальтузианства.

После завершения эволюционистских экспериментов с человеческими родами, которые в общем-то привели Зевса в состояние некоторого разочарования, воспитанием человека занялись младшие олимпийцы. И, разумеется, побочным результатом этой педагогической деятельно-

сти, как это часто и бывает, стали всякого рода желательные и нежелательные беременности. Вот эти-то дети, родившиеся, образно говоря, от влюбленных в своих преподавателей студенток в свободных или чаще тайных браках, получили славный статус культурных героев. Их подлинные отцы поручили им трудоемкую и благодарную задачу донести до человечества «теорию» — знание о вещах божественного происхождения. Пифагор был одним из них.

Итак, юные годы Пифагора прошли в провинциальном Самосе. Колониальная жизнь — особенно в ее первые сто-двести лет — напоминает своим юридическим беспределом и эйфорией свободы время освоения американского Запада или первые десять лет русской демократии. Семьи древнегреческих колонистов, прибывающие к чужим берегам стиральными машинами, приспособленными для ближнего морского перехода, пароходами, лайнерами, галерами, джонками, попадают в условия, в которых этос предков теряет свою аподиктичность и впервые проявляют себя как рабочие то теория естественного договора Ж. Ж. Руссо, то философия «войны всех против всех» Т. Гобса. Для одних участников колониального движения оно было исходом от власти окостеневших традиций патриархальной родины, авантюрой, наполненной риском, жаждой наживы, поиском приключений, новых и острых ощущений, для других — бегством от безысходной нищеты первобытного социализма или — религиозных преследований со стороны воюющих между собой языческих богов. Кроме того, колония всегда оказывается границей столкновения цивилизации и варварства, за которой чуждые боги управляют судьбами чуждых существ, совершенно отличных от нормальных эллинов, и вместе с тем эти иноземные боги настойчиво вторгаются и в жизнь колонистов. Свобода и правовой беспредел составляют два наиболее существенных социальных фактора, формирующих первоначальную жизнь колонии. К счастью, чтобы избежать экономического хаоса и войны всех против всех, греческие переселенцы обратились к изучению идей французского Просвещения, отвратив свое внимание от идеологов социального дарвинизма. Монтескье и Дидро становятся любимым чтением колониального обывателя. Из этой среды выделяются люди, чьим уделом становится этико-политическая рефлексия по поводу окружающей бытовухи. Короче говоря, юный Пифагор был из разряда людей не от мира сего, как, впрочем, и полагается нормальному культурному герою, рожденному от бога и смертной женщины.

В отличие от своих сверстников, объединенных поквартально в банды тинейджеров, вступающих в поножовщину с местным карийским населением, бомбящих ларьки и виноградники, бесцельно прожигающих лучшие годы в охоте за дозой марихуаны, доставляемой фра-

кийскими диллерами из Халкидики, мальчик Пиф проводил время в чтении книг, уроках музыки и бодибилдинга. «Илиада» и «Одиссея», творчество Гесиода, «О природе» Анаксимандра, поэзия и проза Древнего Востока из «Библиотеки Всемирной литературы», «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата, «Божественная комедия» Данте, гетевский «Фауст», «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Мир как воля и представление» Шопенгауэра, комментарий Прокла на «Основания математики Евклида», «Appearance and Reality» Ф. Брэдли, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна, «Картезианские размышления» и «Кризис европейского самосознания» Э. Гуссерля, «История древней философии» В. Виндельбанда, «Основные понятия метафизики» М. Хайдеггера, «Улисс» Джойса, «Мифологии» Р. Барта, «История вечности» Х. Борхеса, «Культурный переворот в Древней Греции в VIII–V вв. до н. э.» А. И. Зайцева, «Миф о вечном возвращении» М. Элиадэ — составляли круг чтения юного Пифагора. Из музыкальных инструментов он предпочитал аккордеон (особенно ему удалась мелодия «Под крышами Парижа») и кифару (его исполнение «Yesterday» на этом инструменте не имело равных на школьном дворе уже к четырнадцати годам). В спорте Пиф показывал себя одним из лучших, но ставил целью не увеличение мышечной массы, а, так сказать, «удлинение» мышечного волокна, т. е., проще говоря, закалял физическую выносливость, избегая увеличения веса. В своих же общественно-политических взглядах он пошел дальше большинства своих сограждан, став последователем Д. Дефо с его идеями врожденных цивилизующих факторов.

Уже в юности Пифагор совершает длительное путешествие за границы провинциальной мудрости. Первым его учителем был известный космогонист и астрофизик Ферекид с острова Сирос.

На острове Самофракия Пифагор получил знание о бессмертии души в местном Кабирийском университете, где велось преподавание в рамках кадмейско-герметической конфессии язычества. Закончив психологический факультет этого университета и получив специальность «прикладная ритуальная психагогия», в Египте он проник в секреты теоретической математики и объемной геометрии, в Вавилоне занялся всерьез астрозоологией, в Персии — традиционной астрологией, получив степень магистра астрологического фатализма, будучи на Кавказе, преуспел в анатомии и гадании по внутренностям жертвенных животных, прослушав двухгодичный курс «Части тела и их космологические соответствия» в религиозно-философской школе имени волшебницы Медеи. Довершил образование на факультете прикладной математики Йельского университета, предприняв длительное путешествие в Штаты. Здесь же Пифагор познакомился с трудами Дьюи и Джей-

мса, прагматически осмыслив эзотерический опыт, приобретенный на Востоке, а также сделал себе догоростоящую операцию по протезированию и вживлению золотого бедра.

Уже к этому времени главной темой размышлений Пифагора становится способ существования времени. Присутствие дифференцированной последовательности в жизни космоса предполагалось и ранее. С этой идеей Пифагор столкнулся еще при чтении Гесиода, описавшего пять божественных и пять человеческих циклов в становлении мира. Вавилонский опыт и трактат Мирчи Элиадэ «Священное и мирское» еще более утвердили его в этом знании, после чего он направил свое внимание на исследование форм мега-космических последовательностей. Сначала Пифагор предположил, что наиболее общей формой, объемлющей все приходящее, является нечто «одно» в абсолютном и безусловном смысле этого слова, имеющее способность к бесконечному развертыванию в столь же абсолютное «многое». Развертывание происходит в виде дихотомического деления на противоположности и последующего возвращения разделившегося к делимому, в результате чего возникает редуцированное и объединенное третье. В свою очередь, третье допускает новые математические действия, все более усложняющиеся и порождающие четвертое, пятое и так вплоть до десятого, которое обладает уже свойством целокупности, но при этом продолжает разворачиваться в иррациональную бесконечность. Весь процесс безусловно имел божественное происхождение, но мы можем описать его символически, полагал Пифагор, поскольку развертывание монады подобно математическому действию. Эту мысль, по словам Аристотеля (который сообщил нам множество ценных подробностей из философского учения Пифагора), он выразил короткой фразой «все есть число», предвосхитив тем самым математическую модель Вселенной, исследованием и освоением которой занята и наша технократическая цивилизация. Все перечисленные идеи были изложены в его докторской диссертации «О природе», защищенной в египетских Фивах в начале 40-х годов VI в. до н. э.

Вернувшись на родину в возрасте чуть более тридцати лет, Пифагор практически не находит себе применения в душной атмосфере провинциального Самоса. «Ох уж эти мне маленькие, забытые Гермесом острова Икарийского моря! Два-три греческих ресторана, где собираются по вечерам одни и те же „синие“ завсегдатаи, один — вьетнамский и один мексиканский, в первом из которых подают нечто, приготовленное из змеиного мяса и маринованно-жареной селедки, во втором — вся хавка залита таким острым соусом, что кишки сожжешь, и вместо балды блевотная текила, кактусовый самогон. Здесь нет проходу от этих жлобов, отдыхающих новых русских, хамов и скан-

далистов, по сравнению с которыми даже самые богатые граждане города — просто рвань. Откуда у людей столько бабок? Короче, полный отстой», — писал он другу своей юности Гермодаманту на о. Делос. Ситуацию усложнила еще и тиранья Поликрата, товарища Пифагора по детскому саду, превратившегося с годами в самодура и извращенца, который, чтобы доставить удовольствие себе и своим друзьям, собирал на пиры самосских девственниц из лучших семей и принуждал их нагими исполнять танцы с непристойными телодвижениями. Во время своих странствий Пифагор повидал всякое, в чисто познавательных целях он заезжал и на Риппер-Бан и в квартал Красных фонарей, где позволял себе «оторваться» время от времени, но тупое и сытое провинциальное хамство его угнетало. Наглое самодовольство тирана и покорная самодостаточность сограждан, не желающих прислушаться к идеям, освежающим фонтаном бьющим из головы Пифагора, стали причиной его отъезда в Италию, страну Микеланджело и Леонардо, Абаньяно и Кроче, Феллини и Бертолуччи.

Когда он прибыл в город Кротон в Южной Италии, то первым делом завоевал доверие юношей из местной молодежной военно-спортивной организации. Он объяснил им правила игры в бейсбол и английский сокер, также — назначение войны и военных упражнений, воинской присяги и их возрастного долга и тем самым вызвал их изумление, подвигнув на утро отправиться на призывные пункты. Придя домой, юноши рассказали отцам о дивном собеседнике, который с идиотским энтузиазмом растолковывал им прописные истины. Затем Пифагор держал слово в яхт-клубе города Кротона, собрав отцов города для своей речи. С отцами он вел беседу о преимуществах самосской системы огородничества, разведения винограда и рецептов вина, секретах строительства подсобных помещений и нужников на дачных участках из освободившейся пластиковой и бумажной упаковки, а также — об элементарных правилах хранения банковских вкладов, о новостях пенсионного фонда, и — вызвал их изумление. И старейшины поняли, что имеют дело с мужем, выдающимся в своем роде. После этого Пифагор выступил по местному телевидению в передаче для тинейджеров «Я и моя подружка», рассказав столь много удивительных историй о пользе контрацепции, что, вызвав бесконечное изумление кротонских детей, навсегда завоевал их доверие. И наконец, после этого уже по национальному итальянскому каналу между рекламой гигиенических средств и популярным бразильским сериалом «Эней из Санта-Троады» он провел сеанс массовой психотерапии для итальянских женщин. Во время сеанса он не произнес ни слова, но взгляд его черных глаз проникал с экрана в самую суть женского естества, сообщая ему потусторонние импульсы и знание, вызывая великое смущение и волнение. С тех пор

все женщины Кротона стали придерживаться взглядов Пифагора.

Пифагорейский университет в Кротоне (аббревиатура ПифКУ), основанный Пифагором, был назван им также «Ограда». Вот перед нами «Сам» в окружении учеников на пожелтевшем даггеротипе 520 г. (впервые опубликован лицейстом Аристоксеном двести лет спустя после смерти Пифагора) в окружении своих учеников-гетайров: слева направо Анахарсис, гипербореец из страны Рипейских гор (Екатеринбург, Южный Урал), совершивший опасный путь через земли грифов, одноглазых аримаспов и скифов, чудом избежавший плена чеченских амазонок, он прибыл от Понта Евксинского на «Золотой стреле», международном лайнере компании Онасиса. В руках — совершенно бесполезная в южном климате солдатская шапка-ушанка с советской кокардой, что выдает в нем последователя пэтэушной кислотной моды. Это он первым запустил о Пифагоре байку, что тот и есть Аполлон Гиперборейский, и, честно говоря, сейчас уже трудно с полной определенностью полагать, что он вкладывал в это утверждение исключительно символический смысл. Югослав Залмоксич, рослый парень, баскетболист, Пифагор приобрел его во фракийской «Цибоне» за хорошие драхмы для укрепления центра университетской команды. Впоследствии перешел на тренерскую работу и заведование спортивной кафедрой. По сообщению неоплатоника IV в. Порфирия, фанаты-земляки Залмоксича уже при жизни почитали его как божество. Дальше — пожилой и сухощавый Алкмеон-кротонец, декан медицинского факультета, известный как автор диететики, одним из наиболее популярных рецептов которой является знаменитое правило: «Пей томатный сок ни до, ни после, но вместо того». Сам Пифагор. Очень похож на Кашпировского, только выше и, как бы это лучше выразиться, величественнее. Короткие курчавые очень темные волосы, без седины, высокий лоб, изборожденный линиями мысли, пронзительный магнетический взгляд. Рядом — красавец-атлет Милон, Олимпийский чемпион в бою без правил (панкратия) и будущий начальник военной кафедры Кротонского университета. Его тренированное тело, прикрытое легким спортивным пиджаком без рубашки, настолько рельефно, что пригодно в качестве пособия для изучения мускульной анатомии человека. Правее Гиппас из Метапонта, докторант Пифагора, готовящий в тот год диссертацию «Гераклитизм в античной философии» и одновременно заведующий рекламно-информационным отделом. Даже на этом старом снимке заметно, что он сдается соперничеством и ревностью к славе учителя. Далее — заведующие кафедрой фундаментальной космологии Филолай, очень грузный, в обтягивающем застиранном джинсовом костюме, рубашка которого на две нижние пуговицы не сходится на огромном и круглом, как эфиопский арбуз, животе,

на широком одутловатом лице следы пристрастия к обильной выпивке, затем — заведующий кафедрой классической филологии Эпихарм, в облике которого изношенный пиджак, пенсне и тщательно подстриженная борода клинышком указывают на его причастность классическим исследованиям в России в эпоху «Серебряного века».

В пифагоровой «Ограде» были приняты три уровня обучения. Испытательный бакалавриат, длившийся три года, слушатели его назывались «акуматики» или «пифагористы», их обучение проходило в полном послушании, соблюдении определенных ограничений и проникновении в суть кратких афоризмов-акусм; пятилетняя магистратура, слушатели которой носили имя «математиков» или «пифагориков», они были допущены к прослушиванию базовых и специальных курсов. И, наконец, докторантура, не ограниченная сроками, во время и после окончания которой слушатель получал ученое звание «пифагорейца», или доктора пифагорейских наук (код по классификатору дшифн).

Я побывал здесь лет через пятнадцать после открытия этого вуза (сразу хочу предупредить, что все даты, вся хронология данного периода античной истории, очень ненадежны) во время моей очередной командировки в Италию, получив приглашение на традиционную для того времени онтологическую конференцию «От мифа к логосу». Несколько дней я провел в обществе самых знаменитых пифагорейцев.

Очень многое здесь оказалось мне близким и знакомым: огромные тараканы в комнатах и кухнях кампуса, визжаще-катыющийся по коридорам общежития клубок детей, произведенных на свет студенческими семьями, интернациональная пестрота и гремящая до утра музыка, которую местные старожилы-докторанты сардонически и безрадостно называют «музыкой сфер», имея в виду, что у каждого поколения обучающихся складываются свои предпочтения в исследованиях музыкальной гармонии, тугие струи табачного дыма с легкими синеватыми прожилками марихуаны, тягуче плывущие вдоль истертых полов, древние выщербленные камни корпусов, мраморные сфинксы, совсем как на нашей Университетской набережной вдоль Невы. Если честно, то с утра я рассчитывал на горячий душ, но на пороге душевой кабинки нос к носу столкнулся с Милоном, тогда еще молодым атлетом. Он был назначен моим гидом по Пифагорейскому университету и по этому поводу мы накануне вечером выдули бутылку «Пятизвездной», одну из трех, дозволенных мне пулковской таможней. «Слушай, Алекс, горячей воды здесь не бывает, — бодро заявил он мне на хорошем ионийском диалекте, — по распоряжению ректора здесь принят ледяной душ, вода для которого охлаждается специально. Потому что, как «сам сказал», действием стихии холода он выгоняет огненную сти-

хию духа из второстепенных частей тела, где она бесконтрольно разливается во время сна, и сосредоточивает ее в области печени. Твои тестикулы при этом звенят, как медные шары Гипсаса». «Ну это уж слишком ... Звенят ...», — и потом я не хотел бы простыть, находясь за две с половиной тысячи лет от Петербурга, и просто окунулся в мягкое Сицилийское море, где в летнее время вода как парное молоко.

Конференцию открывал доклад Бронтина на тему «Что есть самое крутое?». Из всех крутых вещей, а именно — Геракл в гостях у царя Теспия, взлет авиалайнера, Тадж Махал, американский полицейский из боевика, ерш из пива и водки напополам, Великая китайская стена, Декарт, новый русский Марк Рудинштейн, яйцо, сваренное вкрутую, Гитлер и Сталин, американские горки, Юрий Гагарин, демонстративное эпатирующее совокупление кинической пары на афинской агоре, Арнольд Шварценеггер, Тифон, угрожающий Зевсу, Зевс, отсекающий детородный орган своему отцу Кроносу, Казанова и Калиостро, «Битлс», демиург Платона, «Калигула» Тинто Брасса, подъем альпинистов на Эверест, якобинец Робеспьер, храм Артемиды Эфесской, коктейль «Слеза комсомолки» по рецепту Венедикта Ерофеева, Ниагарский водопад, «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра и «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше, спирт «Рояль», Чернобыль и СПИД, лохнесский Левиафан, Юрий Сенкевич и Андрей Макаревич, «Энциклопедия вымышленных существ» Борхеса, олигарх Борис Березовский, разговор Диогена Синопского и Александра Великого, Роки Зифриди, мавзолей Ленина — из всех перечисленных крутых вещей круче всех Пифагор, — сказал в своем докладе Бронтин. Доклад не вызвал ни одного возражения, но зато множество дополнений, отвечающих на вопрос: «Почему?» А потому, что «тот муж» (только так называли они между собой Пифагора) не в свои сани не садится, против дождя не мочится, батон не крошит, пальцы не гнет, сандалию надевает сначала на правую, а моет сначала левую ногу, базар фильтрует и за него отвечает, семь раз отмеряет и один раз отрезает, клин выбивает клином, камень за пазухой не держит, не думает о секундах с высока, медленно запрягает да быстро ездит, пьет, да знает меру, тостуя, пьет до дна, будучи тостуемым — тоже, масла в огонь не подливает, на весы не садится, что на пол упало, не поднимает, говорит: «Баба с возу, кобыле легче».

Остаток дня был посвящен приемам вокруг доклада Бронтина. И по хорошей европейской традиции он закончился симпозионом. Приглашенный, как и я, но по какой-то ошибке историк России из Сыктывкра Вова Салтыков, которому абы куда, лишь бы вырваться за бугор от стервозной жены Тани, троих орущих детей, тещи и тестя, занимающихся разведением свиней на дачном участке в шесть соток, сам

напился как свинья, не рассчитав силы в борьбе с коварным греческим вином, спускаясь с лестницы, упал и пересчитал физиономией все ее ступени. Мне было неудобно за соотечественника, пришлось умыть его, заклеивать пластырем серьезно поврежденное лицо и участвовать в перенесении тела в отведенный для него номер. Уже в бессознательном состоянии Вова приподнял голову, поманил меня пальцем и доверительно-заговорщицки сообщил: «А-лли-сей, еще по сто — и по бабам!». Но это было последнее, что он мог сказать, так как в следующий момент отключился уже до утра.

Потом все, кто еще держался на ногах, отвалили в найт-бар, где гремела музыка, стриптизерши касались грудью твоего носа, в общем было неудобно и развратно. Преподаватель ботаники Менестор из Сибариса, длинный и тощий, которого неделю как бросила жена, уйдя жить к заместителю начальника районного отделения полиции, пил неразбавленное вино, совершенно не к месту стал пересказывать всем свою теорию горячих и холодных растений, напился вдрызг, кричал кому-то в лицо, что всякая «философия — это фигня», а «все философы — козлы», провоцировал скандал, вызывая на бой самого Милона, затем разделся догола, подражая стриптизершам, и в таком виде был отправлен домой в сопровождении аспирантов.

В тот же вечер я познакомился с Теофилой.

Ночью. «Алекс, надеюсь, ты не считаешь меня легкомысленной только потому, что сама залезла к тебе в постель?». Она нависла над мной как ожившее храмовое изваяние, какие я видел в Новом Египте, мраморное тело, богами обращенное в теплую человеческую плоть. Галатея. «Не говори глупостей, я пережил все сексуальные революции. Одну — как несовершеннолетний зритель, другую — в составе революционного народа». Две ожившие декоративные амфоры из еще не обожженной мягкой, очень мягкой матовой глины, с темными остроконечными доньшками, вылепленные рукой изумительно талантливому мастеру. Я тянусь губами к одной из них, потому что там нектар и амброзия и все, чем древние боги в своей бесконечной щедрости поделились с этими детьми, которые младше меня на две с половиной тысячи лет. «Наш ректор придерживается свободных взглядов на этот счет, — говорит она, медленно и властно раскачиваясь в такт, — а „Основы сексологии“, между прочим, преподают по Майерсу и Джонсон. Курс называется „Альтернативный образ жизни“. Представляешь как народ отрывается, когда, наконец, вылетает из-под родительского крылышка? Короче, пайдейя. А „Сам“, говорят, в молодости был жутким женофобом и девственником до тридцати. Под влиянием своей мамочки. Но я-то думаю, просто чересчур заморочился на учебе. Теано сделала из него человека. Правда, не бабник, но смотрит иногда

так, как будто хочет трахнуть прямо в аудитории. Ты тоже не ханжа. Ты мне сразу понравился. Люблю сексопильных скандинавов. — Я не скандинав. — Мне без разницы. Ты похож на этого . . . француза . . . — Ой, я тебя прошу, только не это. — Часто такое говорят? А как у вас там вообще с сексом? Неужели по Платону-Хаксли? — Одно время было где-то так. Теперь многое изменилось». Она рассыпала длинные светлые густые волосы по моей груди и животу, запах вина, меда, яблок и незнакомого мне шампуня-ополаскивателя. Проверила боевую готовность. «Ты уже опять в форме?». И когда закончилось, «А забыл, как тебя зовут», — шепчу я чуть слышно. «Фила», отвечает она одними губами, — «Это значит: любящая». «Сколько тебе лет? — Скоро девятнадцать. — А мне скоро две тысячи пятьсот . . . двадцать и еще плюс 39. — Какой же ты старый. — Нет, я просто повторился несколько раз. А между этим был червячком, цыпленком, зайчиком и большим-большим козлом. Ведь так учит твой ректор. Только я не уверен, что он прав. — Не заморачивайся. — Ты сделаешь мне приглашение в Питер? Хочу послушать, какую бодягу рассказывают на вашем философском факультете. Девушки там занимаются философией? — К сожалению, да. Не обижайся, они не пифагорички. Давай спать, дорогая».

Во второй день конференции мы слушали выступление Филолая, посвященное проблеме «Что есть?». Есть, сказал Филолай, обливаясь потом и отдуваясь перегарным духом, — это то, что все. А все бывает только один раз и поэтому оно целокупно. В его центре, с явным напряжением сил продолжал пыхтеть Филолай, и крупные капли пота катились по его отежнему красному лицу, находится первопричинный Огонь, вокруг которого, используя термин Шопенгауэра, располагаются сферы «объективации» целокупного. По ним движутся планеты. Ближайшая к первоогню сфера принадлежит Земле и Антихтону, т. е. Антиземле. Они лежат строго друг против друга, и поэтому Антихтон всегда заслонен для нас центральным Огнем. На Антихтоне живут антилюди — антиподы. Здесь он с наслаждением, долгими глотками осушил большой стакан ледяной минеральной воды. — Гипотетически следует предположить, что они такие же, как мы, только у них все наоборот. Наоборот голова и ноги, все другие органы, наоборот господствующие ценности, пишут они справа налево, ходят не вперед, а назад, они сначала говорят, затем думают, сначала закусывают, затем выпивают, сначала рожают детей, затем совокупляются, короче говоря, если мы будем искать наиболее близкий аналог антиподам, то из известных нам ближе всех к ним находится варварский народ, называющий себя русскими. Далее располагаются Солнце и пять планет. Наиболее подходящие названия последних еще обсуждаются в пифагорейской космологии и окончательно не приняты.

Логически продолжающим данную тему оказался и мой доклад, проблема которого была обозначена так: «Что есть пока еще самое запутанное?». Честно говоря, я был единственным историком философии на этой конференции. Я говорил об истории, времени и вечности: история представляется наиболее запутанной и непонятной вещью из всех религий, сопровождающих развитие человечества. Первичная неясность содержится уже в той многозначности слова «история», рефлексивные определения которого начали формироваться намного позже времени пифагорейцев. На сегодняшний день мы имеем дело со всевозможными регрессивными, описательными, циклическими, биографическими, династийными, осевыми, прогрессивно-линейными, логическими, спиралевидными, локально-цивилизационными схемами, встроенными в исторические исследования различных школ. На мой взгляд, наиболее запутанной и нелогичной всегда была и остается история идей. Это происходит потому, что предметом философии всегда оказываются не явления, а сущности. И чтобы правильно выразить этот процесс, следует принять метод, построенный по образцу круговращения небесных сфер. Как справедливо высказался предыдущий докладчик, в центре этого круговращения находится первичный огонь, вокруг которого по первому кругу вращаются земля и антиземля, а дальше — пять планет, между ними — бесчисленное множество орбит богов, божков, героев и демонов, а дальше — облегающая космос оболочка ледяного огня, за которой уже ничего нет. История философии есть нечто подобное, если сравнить мыслителей с хозяевами орбит, а их движение с круговращением мыслей в умах. И все было бы предельно ясно, если бы время от времени владельцы орбиты не пересекались друг с другом и не черпали энергию друг друга. Вот это и есть самое запутанное. В итоге мой доклад заслужил длительные и запутанные прения.

Но . . . и не только. В этот второй день я познакомился с Теоматией.

Ночью. «Ты, наверное, думаешь, я старовата для тебя? Сорок лет — самый сексуальный возраст для женщины. Чувствуешь раскованность, да и залететь особенно уже не боишься. Правда, у меня спираль, и сейчас *это* уже не опасно. Оргазм иногда бывает такой, что теряешь сознание. Особенно если парень нравится. Как ты. А что умеют эти молодые телки? Им бы колбаситься всю ночь на дискотеке, танцы-обжиманцы, экстази, пыхнуть или нажраться до поросычьего визга, так, чтобы себя не помнить — и в групповик. Мужика после этого *дела* даже накормить не могут. Когда я была моложе, сама была такая. Но все как то приличнее было. Пиво до утра, купались ночью гольшом в заливе, в общегиттии просыпали занятия, ради прикола посещали нудистские пляжи. Там-то я и познакомилась с „этим мужем“. Именно

тогда он изрек свое знаменитое: „Наше общество идет к групповикам через нудистские пляжи“». Это он сейчас чопорный, строит из себя, ммм . . . ханжу. А в молодости у себя на родине он был диск-жокеем в местном кабаке. Здесь он открыл свою музыкальную октаву. Он мне сам рассказал . . . Да и сейчас еще со своими „математиками“ отрывается по полной программе. Скифские бани с семенами конопли, и все такое. Ты почему, думаешь, все засекречивает? Но в эту тусовку тебе, мой дорогой, не попасть. Другое дело я. Я — доктор пифагорейских наук. Иногда приглашает. И называет он меня Матэ, что значит „ученая“. Честно скажу, еще в юности я ему сразу отдалась, паиньку из себя не строила, и до сих пор считаю, что это было самое счастливое время в моей жизни. Тогда, как и сейчас, все бабы по нему сохли. Он был красавцем, мускулистый, поджарый, загорелый, одно слово — полубог, сын Аполлона. Любая в его распоряжении. Да и меня, знаешь, поманит сейчас пальцем, даже думать не стану, брошу все и — к нему. Встречались мы с ним три месяца, все помню, каждый день. Сколько красивых слов говорил, а сколько наставлений. . ! Ты что, проголодался? Конечно, после трех раз нужно перекусить. Как Сам говорит, цифра три — решающая, так как она сумма первого чета и первого нечета. Но это между нами, не вздумай болтать на эту тему. Это из области „тайного“ учения. Сейчас, халат накину и что-нибудь соображу. А то потом заявишь на весь свет, что тебя здесь не кормили. Шучу. . . »

На третий день очень интересным оказалось сообщение Феохария из Янин «Пифагор и начало классической античной философии». Выступающий утверждал, что полтора века, предшествующие пифагорейской философии, следует рассматривать как подготовительный, мифопоэтический этап в истории античной мысли, содержанием которого является интуитивный поиск пути рационализации мифологии, т. е. движение мысли «от мифа к логосу». В отличие от Семи мудрецов, милетских физиологов Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, «этот муж» впервые кратко, абстрактно и теоретично высказался о измеримости и исчислимости мира: «Все есть число». Более того, заслугой «этого мужа» является введение в оборот самого слова «философия», а также изобретение таких важнейших понятий, как «космос», «таксис» (рядок), «гармония». А это, в свою очередь, открывает путь философам Элейской школы, Эмпедоклу, Платону и последующим мыслителям.

В перерывах между секциями я за короткое время обегал аудитории, чтобы послушать «самого». Дело в том, что по рекомендации нашего знаменитого соотечественника оксфордского профессора А. В. Лебедева я получил допуск на отдельные занятия, проводимые «самим».

Как я уже сказал, все компоненты знаний, полученных Пифагором на Востоке, легли затем в основу его собственной философии. Его наиболее крутой курс «Таинственная арифметика» был явно построен на базисном основании «Основоположений математики» Готлиба Фреге, курсы астрологии и астрономии читались по Галилею, при этом, видимо, в качестве справочника постоянно использовалась «Пробуждающаяся наука» Б. Ван-дер-Вардена, что, на мой взгляд, придало компаративистскую широту его собственным изысканиям. Поскольку, как ясно из контекста, с меня тоже взяли слово не разглашать по крайней мере символическую часть услышанного (даже попросили оставить записи, сделанные мной по привычке), могу выразить только свое отношение к услышанному: мне кажется, Аристотель совершенно ничего не понял в этой пифагорейской арифметике. Либо намеренно представил дело в «Метафизике» исключительно в интересах собственной теории «начал». Поскольку даже тогда никто не воспринимал всерьез этого придурка Эврита, определяющего число вещи количеством камешков, которыми он обкладывал на песке ее силуэт. Лучше всех в Пифагоровых идеях разобрался, пожалуй, Платон, во всяком случае он удачнее всех использовал математику Пифагора в собственной «тимеевской» космогонии, включив ее в более общее теоретическое построение. Вот если бы кто-то сейчас взялся толково прокомментировать эти куски из «Тимея»! Этому человеку следовало бы поставить памятник при жизни.

Базовый курс «История досократиков», который читался в течение первых шести семестров, был сосредоточен в основном на полемике против милетских натурфилософов — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена — и на углубленном и, на мой взгляд, нарочито преувеличенном акцентировании вавилонских и египетских влияний в ранней греческой философии.

В спецкурсе «Сравнительные аспекты раннего пифагореизма и орфизма» серьезной критике подвергалась концепция орфических истоков Пифагоровых сотериологии и метемпсихозиса. «Сам» убедительно, с использованием обширного историко-археологического материала, показывал, что здесь можно говорить лишь об определенном параллелизме двух путей формирования этических идей в рамках одного фундаментального устремления греческого духа, но ни в коем случае не о едином источнике их формирования.

При этом отмечалась досадная позитивистская близорукость в оценке этой ситуации некоторыми выдающимися эрудитами и знатоками античной мысли (в число которых входил, например, Теодор Гомперц), пишущих о так называемом «орфико-пифагореизме».

Опираясь на фундаментальный труд А. И. Мару «История воспита-

ния в античности», Пифагор подчеркнул также неприятие им тенденции к педагогической педерастии, которая, на его взгляд, начала формироваться в значительной мере в рамках учения о второй эпифании женоподобного Диониса, особенно популярного в местах локализации орфизма. И хотя вопрос этот весьма неоднозначен в свете особенностей греческого менталитета и атмосферы европейской терпимости к нетрадиционным формам сексуальной ориентации вообще и в данной культурно-исторической ситуации, складывающейся под персидским влиянием, в частности, «пифагореец должен быть нормальным гетеросексуалом. И точка!». И уж, конечно, грубые и надуманные обвинения в шаманизме, предъявленные Пифагору некоторыми так называемыми историками философии, являются измышлениями откровенных злопыхателей, и мы все понимаем, откуда они исходят!

В итоге гости конференции совершили морской тур «по Пифагоровым местам» на родину «того мужа», остров Самос, куда все, кроме «самого» («Пусть сначала Поликрат извинится, он первый начал! Видеть не могу эту самодовольную пьяную рожу!»), отправлялись на яхте, принадлежащей благотворительной организации Фонда Сороса. Всю ночь совершался симпозион под открытым звездным небом Адриатики и Эгеиды, звучал мягкий пифагорейский джаз. Днем участники круиза посетили музей-усадьбу Пифагора, превращенную в храм культурного героя-земляка, в котором тиран Поликрат, поощряющий туризм, распорядился оставить все как было при «его друге Пифе» (подчеркнуто фамильярно выразился он): жирные белые гуси, пасущиеся в огороде среди золотых подсолнухов, красная черепичная тропинка к дому через двор, заросший ромашками и крапивой, в углу двора — рубленая фракийская банька по черному, в доме — прохладный обширный кабинет с кондиционером, камином красного кирпича, на полке которого — миниатюрный роденовский мыслитель, прислоненные к стене клюшки для гольфа и зонт Francesco Maglia за 400 долларов, над камином — подлинник минойской «Парижанки», глубокие кожаные кресла, массивный книжный стеллаж во всю стену, в котором почему-то бросались в глаза зеленые с золотом корешки собрания сочинений Ф. Ницше на языке оригинала, пишущая машинка «Гамильтон» с заправленным в каретку листом «Иерос логос», льняная пижама Ermenegildo Zegna, брошенная на спинку кресла, наполовину пустой ящик с сигарами на письменном столе старинной ионийской работы, копия «Любительницы абсента» над ним. Даже рюмка «Камю», его любимого коньяка, ежедневно наполнялась заново из жертвенной бутылки.

В этот день у памятника «ему», что на маленькой агоре перед усадьбой, я познакомился с Теосебией. А ночью пришел в музей-храм

Пифагора один. «Тебе когда-нибудь приходилось иметь дело с храмовой проституткой? — Ну, знаешь . . . Всякое бывало. — Давай, выпьем, и я тебе все-все расскажу о своей жизни. У нас этот коньяк называют на свой лад, „Самус“, с намеком на „самого“. Прикол такой. . . Конечно, у меня ребенок, живет у мамы, я без мужа. Муж умер, отец тоже. Сам понимаешь, надо крутиться. Ты вот думаешь Греция, белые скалы, бирюзовое море. Нет, дорогой. Остров на отшибе, живем практически благодаря туристам. Приличного мужика найти ой как трудно. Кто был с головой на плечах, давно уже сдули в Афины или в Италию. Так что я еще неплохо устроилась. Закусить-выпить — практически всегда, легко. Работа не напряжная, пыль протереть, интерьер подновить, обслужить пару туристов. Когда сезон, конечно, побольше . . . К тому же почти по профессии, я ведь окончила журфак в Афинах. В общем две древнейших профессии в одном стакане . . . Потихоньку собираю материал о „нем“, а вдруг получится бестселлер? У нас ходят слухи, что истории про Пифа (у нас-то за глаза его так называют, то же мне культурный герой!) скоро войдут в моду. Ну, давай еще по одной хлопнем и займемся делом. Ну вот, сейчас я тебе кое-что покажу . . . Видишь фотку над столом? Это выпускной класс. Вот Пиф-красавчик. А этот мордатый — Поликрат. Тогда он еще толще был. А вот эту тетку они не поделили. Поэтому Пиф и уехал. Поликрат таких вещей не спускает. Пиф потом про себя батву запустил: диссидент мол, тяжело дышится воздухом тирании, тырым-бырым . . . А все из-за нас в этой жизни, из-за баб. Так-то, парень. Еще по одной? А тебе ничего? Встанет? Давай. За то, что б вот это и деньги были. Ой, я уже какая пьяная. А ты парень крепкий. Ты откуда? Гипербореец? Русский? Люблю русских. С вами хоть выпить можно. А то эти америкосы как две рюмки хлопнут и все, на пол шестого. Давай еще по одной, и я тебе расскажу про свою жизнь всю правду. Заново. Ребенок, это правда. А муж, не умер. Сбежал, сволочь. С бабой. Всем сказал, что по политическим соображениям . . . , типа как Пифагор, типа «Поликрат его достал». Ну взял бы меня с собой по тем же соображениям. Сволочь. Денег, конечно, от него фиг дожدهшься. Отец у меня алкаш, майор в отставке, работает охранником в бане, сутки через трое. А-на-нас с мамой он, как в том анекдоте про слово „ананас“. Вот и пошла подрабатывать в храм проституткой. И имя у меня подходящее, означает „Благочестивая“, ха! Уменьшительно Ева. Зарплата стабильная, Поликрат отстегивает. Кстати, не такой уж он беспредельщик, как о нем говорят. Бандит, конечно. А кто в наше время не бандит? По крайней мере, договориться с ним можно. Медицинский осмотр регулярно. С Коса доктора привозит. Даже деньги с клиентов брать запрещает, только жертвоприношения. Имидж блюдет. Ну, мы, конечно, берем,

но это между нами . . . а то башку оторвут. А с тебя я и так бы не взяла. Во-первых, чисто по-человечески. Ты мне нравишься. А, во-вторых, чего с русского возьмешь-то. У тебя ж у самого ни хрена нет. С журфаком я немножко маху дала. Меня с третьего курса турнули. Солону или Солонину какому-то философию не сдала. Козлы. А книгу я напишу. Ты веришь? М-м-да? Ну и дурак. Сейчас я тебя поцелую. Ну что ты все молчишь? Короче, еще по одной и спать?».

Наутро, покидая Самос, я видел ее в гавани. Свежая, как ни в чем не бывало, юная жрица в свободном голубом платье, она махала мне рукой на прощанье и улыбалась, думая уже о чем-то своем.

В последний вечер перед отъездом в Петербург в дверь постучался Гиш из Метапонта с двухлитровой гидрией молодого вина и пакетом сушеных смокв. Я достал остатки водки. «Алекс, я не предатель. Но некоторых из нас давно уже угнетает „его“ заикленность на секретах, — в сердцах заговорил он после первого кубка, нервно затягиваясь сигаретой. — Ты человек другой, демократической формации, и меня поймешь. Меня просто достали мистицизм какой-то, таинственность дурацкая . . . Классическое знание, конечно, элитарно, но если оно будет сохраняться в тайне, всегда есть опасность того, что оно умрет вместе с нами, когда какому-нибудь сумасшедшему богу, врагу Гермеса из молодых или тирану-параноику из Сибариса, приподнявшемуся на торговле рабами и кокаином, придет в голову прихлопнуть нас всех одним махом, как муравьев, облепивших кусок сладкого пирога. А варварский мир, который обступает нас со всех сторон? Я не говорю уже о предстоящих переселениях народов, после которых ни от одной библиотеки камня на камне не остается. — Он подцепил на вилку розовый кусочек маринованного с чесноком салца, привезенного мной из дома. — Ох, во рту тает! Какому богу ты принес в жертву эту свинью, что ее сало приобрело божественный вкус? — Это великий бог Хохол, ему поклонялись мои предки, — сказал я. — Действительно, великий бог. Из подземных? С сегодняшнего дня и я стану его последователем. Потом запишешь мне пару формул для обращения . . . Но вернемся к делу. Ты же видишь, какая сейчас конкуренция в приоритете открытия идей. Что ни десятилетие, то новая парадигма в физике, а как следствие, и в философии. Мы, казалось бы, уделали этих чудаков-физиологов в масштабах объективной логики историко-философского процесса, и сейчас самое время закрепить результат, популяризовать, запустить копировальную технику, издать кучу книг, основать новые университеты. Как там потом будет сказано: „Знание — силой, да?“. Но он же заиклился на своем. И потом это „я“ да „я“. Анонимность и табу на авторство зак-колебали. Даже в письмах землякам приходится подписываться „его именем“. Но именно я придумал теорию иррацио-

нальных чисел. Иррационализм — это мой конек! А кто изобрел додекаэдр? А акустические опыты с медными шарами? Ты же понимаешь. Ты, Алекс, конечно, тоже взял определенные обязательства. . . В общем, у нас к тебе просьба, там, у себя замолви словечко за нас, так называемых „разгласителей“. В том смысле, что мы это сделали не из корысти, а ради дела и, в конце концов, ради „Самого“. Я, конечно, заглянул в Дильса и уже знаю, чем это для нас всех закончится. Тем более, это значит, что у меня нет другого выхода. В общем, я решил разгласить тайные доктрины Пифа. Вот, — он протянул мне довольно увесистый папирусный свиток, перевязанный алой лентой, — здесь многое из „неписаного“, конспект „Иерос логоса“, — я записывал его тайком по ночам, не дай бог кто увидит, — к нему мои трактаты по математике, акустике и гераклитике. Опубликуй это в своей „Академии“, хотя бы в пятом выпуске. Кстати, для тебя это тоже шанс заработать мировое имя в науке».

Отбывая из кротонского аэропорта и уже в воздухе я тщательно обдумывал предложение Гиппаса с научно-этической точки зрения. И понимал, что оказался зажатым между двумя совершенно исторически противоположными этическими шаблонами: привычным своим, для которого публикуемость научных открытий, новых идей есть главная цель жизни ученого, философа, писателя, и — вторым, в котором культивируется эта пифагорейская аристократия духа, принявшая жизненным законом элитарно-корпоративную доктрину неразгласительства. Каковы последствия такой позиции? История показывает, что весьма и весьма плачевные. Всякий замкнутый на самом себе культурный феномен действительно ожидает перспектива исчезновения и даже потери воспоминания о нем у последующих поколений. Поэтому, например, многие мои современники вообще не уверены не только в подлинных фактах биографии Пифагора и его ближайших учеников, но и, более того, часто сомневаются в самой личности «того мужа». Но, с другой стороны, какое я имею право оценивать их научную этику с точки зрения своей? Не говоря уже о том, чтобы вообще вторгаться в естественный процесс истории? Раздумывая на эти темы, я потягивал ледяное пиво «Хейнекен» в салоне Боинга компании Finn Air. Научная этика вообще тонкая вещь. В пифагорействе, может быть, более, чем в других античных учениях сказалась одна из негативных сторон того, что мой друг, проф. Р. В. Светлов называет «сакрализация философского образа жизни» как особого состояния человека, стремящегося к познанию вещей божественных и от того — к улучшению своей собственной природы. В самой сакрализации нет ничего странного, она была свойственна практически всем древнегреческим философиям, но, думаю, дело в различных истоках ее происхождения.

Ведь в языке древних эллинов «истина» и «открытость» обозначены одним словом. С Пифагором мы должны решить так, что закрытость и таинственность, установленные им в его университете, действительно имеют некую восточную, чуждую европейскому духу природу и религиозно-сектантское происхождение, самим Пифагором по каким-то причинам не осознаваемое, а вовсе не являются плодом воображения позднейших комментаторов. И все же в Пулково я принял решение оставить все как есть и написать только обширную статью в оправдание Гипсаса, в которой — обосновать идею того, что анонимность сочинений, требуемая некоторыми научными и религиозными сообществами, вредна для истории, не говоря уже о том, что она представляет собой вид плагиата.

Размышлял я и о личности Пифагора, туманная загадочность которой так и не стала для меня более ясной. Что говорить, если даже женщины, знающие его очень близко, рассказывают о нем совершенно противоположные вещи? Рядом со мной в состоянии все еще полного недоумения располагался Вова Салтыков, мучимый икотой историк России из Сыктывкара. Он все еще не мог понять, как оказался приглашенным на конференцию пифагорейцев, при этом его одолевали своего рода этические вопросы. «Я бы ни за что так не напился, если бы это была конференция по истории России советского периода. А что мне твоя античная философия?», — агрессивно-слабым голосом оправдывался он. Я не стал делиться с ним мыслями, занимавшими меня, но виски, которое он купил в такс-фри аэропорта, выпить не отказался.

Уже через много лет после этого произошли некоторые события. Отчисленный за неуспеваемость местный аристократ Килон в сопровождении таких же пьяных бездельников поджег военную кафедру университета в тот самый момент, когда наиболее заслуженные пифагорейцы обсуждали итоги военных сборов и присвоение лейтенантских званий выпускникам. Очень многие погибли, поскольку килоновцы заколотили двери кафедры. И в первую очередь — Милон, который, как многие бывшие спортсмены, стал так круто закладывать за воротник, что в панике не смог не то чтобы подняться из-за стола, но даже отдать необходимые команды. Немногие оставшиеся в живых вынуждены были покинуть Кротон, поскольку двоешников поддержали их влиятельные родители. Вот так перестал существовать знаменитый пифагорейский университет в Кротоне. Впрочем, поговаривали, что истинная суть конфликта состояла в требовании отмены коммерческих групп, выдвинутом частью нищих студентов-экстремистов, которые буквально за несколько лет до того готовы были порвать себе глотки требованиями выдачи генерала Пиночета испанским властям. Это случилось

около 500 г. до н. э. Пифагор, находившийся в момент восстания в путешествии по Италии, пытался осесть в Метапонте, но, оставшись без источников существования и учеников, принял сорокадневный пост в храме Муз, где умер от голода. Ему было уже за семьдесят.

Другие знаменитые пифагорейцы разбрелись кто куда — в итальянские города Таррент и Регий, где открывали собственные школы, некоторые вернулись в Грецию, например Филолай и Гиппас. Последний поступил, как сказал: вошел в историческую традицию в качестве разгласителя и, более того, чуть ли не предателя пифагорейских идеалов таинственности. Но именно ему мы обязаны ближайшими данными об очень важных первоначальных идеях школы. Правда, груз такой славы отягощал Гиппаса недолго. Яхта, на которой он отправился в круиз, взлетела на воздух. Был ли это теракт мстительных сибаритов, когда-то разгромленных кротонскими пифагорейцами в войне, или возмездие за нарушение клятвы со стороны бывших коллег Гиппаса, или акция очередной воинственной мусульманской группировки, направленная на подрыв общеевропейской стабильности, или столкновение судна с миной времен второй мировой войны, или, наконец, просто взорвался неисправный котел в машинном отделении судна — слухи на этот счет ходят разные до сих пор. Отдельные пифагорейские НИИ существовали еще до середины IV в., затем они постепенно ассимилировались платониками и лицеистами.

*Кротон — С.-Петербург,
525 г. до н. э. — осень 2000 г.*